

RU

Модель отечественного политического процесса: фактор внутриэлитных противоречий (статья 2)

Тамбиянц Ю. Г., Гринь М. В., Иваненко И. Н.

Аннотация. Цель настоящей статьи - доказать обоснованность рассмотрения феномена внутриэлитных противоречий в качестве фактора историко-политической динамики России. Научная новизна заключается в уточнении роли земского начала в политических процессах отечественного социума; предложена собственная концептуализация его политической динамики и движущих сил. В результате установлено, что главной политической субъектностью в отечественном социуме обладали высшие слои, тогда как земское начало играло вторичную роль; характер политико-исторического процесса во многом определялся конкуренцией двух моделей организации политической власти: полицентричной, продвигаемой боярством, и моноцентричной, выражающей стремление высшей власти. Для отечественного социума более предпочтительной оказалась моноцентричная модель, которая обеспечила его политическое выживание.

EN

Model of the Domestic Political Process: Factor of Intra-Elite Contradictions (Article 2)

Tambiyants Y. G., Grin M. V., Ivanenko I. N.

Abstract. The aim of the research is to prove relevance of studying the phenomenon of intra-elite contradictions as a factor of historical and political dynamics of Russia. The scientific originality of the research consists in clarifying the role of zemstvo principle in political processes of the Russian society; the authors' own conceptualization of its political dynamics and driving force is proposed. As a result, the study has revealed that the upper strata of the Russian society possessed the main political subjectivity, while zemstvo principle played a secondary role; the nature of political and historical process was in many ways determined by the competition between two models of organization of political power: polycentric, promoted by the boyars, and monocentric, which expressed the ambitions of higher authority. Monocentric model proved to be more preferable for the Russian society, as it ensured its political survival.

Введение

Актуальность. В ходе осмысления политической проблематики России, как современного, так и исторического плана, принято заострять внимание на механизмах взаимодействия государства и общества, что сводится главным образом к дихотомии демократии и деспотии. Признавая, что здесь есть изрядная доля истины, мы считаем целесообразным отметить, что такое видение слишком противопоставляет два начала: идущее сверху, государствообразующее, а также народовластное, представляющее естественные низовые инициативы. Результат их взаимодействия обычно осмысливается в ракурсе той или иной политико-философской модели организации власти, которая несет или отпечаток превалирования государственной субъектности (формы деспотизма), или, напротив, господства народовластных тенденций (демократические формы), или некоего баланса. Вместе с тем здесь оказываются смещенными акценты, в силу чего могут быть упущены из виду иные источники, задающие вектор политического развития. Речь идет о столкновениях внутри лидирующих групп, исход которых зачастую имеет решающее значение для исторического пути. Именно это обстоятельство применимо к определенным периодам отечественной истории, чему и посвящена данная статья. В ней мы фактически продолжаем развивать тему рассмотрения факторов российского политико-исторического процесса. В предыдущей работе мы проанализировали несколько историософских подходов, вычленив из них ряд весьма конструктивных идей по данной проблематике. Здесь же мы попытаемся несколько расширить концептуальное видение маститых ученых относительно движущих сил российской истории.

Достижение цели исследования предполагает решение следующих задач:

- уточнить степень весомости влияния на российские политические процессы земского начала, с которым принято связывать отечественный демократический потенциал;
- через конкуренцию двух моделей организации политической власти в отечественном социуме XII-XVII вв. обосновать весомость фактора внутриэлитных противоречий как движущей силы российского политико-исторического процесса.

В ходе реализации поставленных задач применялись следующие методы исследования: методы анализа, синтеза, герменевтики, систематизации, типологизации, моделирования, системный подход, сравнительно-исторический метод, метод историзма, диалектический метод.

Теоретической базой исследования послужило сочетание марксистского и элитистского подходов, а также факторного анализа, на который делается ставка в исторических исследованиях С. А. Нефедова (2010), Л. В. Милова (История России..., 2006) и других.

Практическая значимость. Адекватное понимание сущности политического выбора, который имел место в различные исторические периоды, способствует формированию эффективной политической и управленческой практики центральными институтами власти. Уточнение реальной функции исторических земских политических учреждений помогает понять и скорректировать работу современного местного самоуправления.

Основная часть

Чтобы выяснить реальную степень влияния на политические процессы земских тенденций народовластия, мы намерены провести критический анализ «волостной концепции» историков И. Я. Фроянова (1995; 1980) и А. Ю. Дворниченко (1988), имеющей немало последователей в отечественной гуманитаристике. Эти ученые склонны утверждать, что еще с предкиевских времен на Руси существовал так называемый волостной строй, в основе которого лежала «гражданская община, сосредоточенная в главном городе волости. Старейшему городу подчинялись «пригороды» и сельские общины. Другими словами, это была система соподчиненных общин, управлявшаяся волостным вечем» (Дворниченко, 2010, с. 930). Влияние этих спонтанно образующихся «снизу» управленческих структур долгое время было преобладающим, и решениям веча подчинялась даже княжеская власть. Подобное положение дел, согласно данным авторам, продолжалось фактически весь Киевский период.

Волостной подход основывается на довольно типичных чертах, которые присущи раннегосударственным образованиям, к числу которых, безусловно, следует отнести Киевскую Русь. Раннее государство действительно носит «недостроенный» (термин Л. Е. Гринина) характер, только «нашупывая» наиболее эффективные управленческие механизмы. Политическая система киевских князей пока лишь надстраивается над древнеславянским обществом, несколько разбавленным иными этническими элементами. Верховная власть при этом не проникала глубоко в социальные процессы, проходящие на более нижних уровнях, ограничиваясь военными и перераспределительными задачами – в основном сбором дани, повинностей и пошлин (Гринин, 2006, с. 14). В сущности, общество Киевской Руси в целом жило собственной жизнью, в нем функционировали многие традиционные институты, прежде всего вечевые народные собрания. Вече – это своего рода платформа, где встречались и взаимодействовали волевые устремления князей, поддержанных дружинной элитой, а также народных масс. Однако какова же была подлинная политическая роль вечевых институтов, действительно ли их влияние перекрывало княжеские властные амбиции? Ответы на эти вопросы следует искать в исторических фактах.

Безусловно, вечевые истоки необходимо проследивать в значительно более ранних периодах возникновения государственности у восточных славян. Здесь мы полностью солидарны с И. Я. Фрояновым (1980), считающим, что происхождение веча уходит корнями «в недра первичной формации» (с. 180). В то же время известный дореволюционный историк М. А. Дьяконов полагал, что вече присуще слабой и неокрепшей государственной власти, пока что не сформировавшей должным образом сильные исполнительные органы. «Князь же со своей стороны постоянно нуждался в поддержке народа, так как не располагал достаточными собственными средствами для проведения в жизнь тех или иных мер против желания народа» (Дьяконов, 2005, с. 100-101). Но со временем вече, будучи институтом народоправства, претерпевало определенную эволюцию, встроенную в общую канву отечественного политогенеза. Современный историк И. Н. Данилевский пишет о сущностном изменении институтов коллективной власти, считая, что раннее «племенное» вече эпохи первобытного строя или военной демократии серьезно отличалось от волостного веча второй половины XI-XII вв. (Реформы в России..., 2016, с. 52-53).

Естественно, что трансформация веча происходила под влиянием внутриволостного контекста и в первую очередь обращает на себя внимание феномен дружины. Ведь неслучайно Киевская Русь определяется именно как дружинный тип раннего государства (Л. Е. Гринин (2006), А. А. Горский (2010), П. С. Стефанович (2012)), предполагающий в качестве ведущей военную составляющую. Внутренняя структура формировалась прежде всего на функционально-сословных, а не экономических основаниях. Хотя институт дружины сложился у славян задолго до IX века, вливание сюда норманнского (варяжского) элемента обеспечило военный перевес Киева над другими славянскими общностями. В этом А. А. Горский (2010, с. 35) видит главную причину объединения восточнославянских племен в одно, а не в несколько политических образований. Значение варягов подчеркивает Х. Ловмянский (1985, с. 229), указывая, что первыми русскими князьями те использовались в качестве дружинников, или, реже, администраторов. На укрепление верховной княжеской власти киевской дружины серьезно работал экономический фактор. Контролируя в X-XI вв. важнейшие на тот

момент торговые коммуникации (путь «из варяг в греки»), киевские князья получали избыточные средства, позволяющие содержать дружину и увеличивать ее. При этом возрастание княжеских властных ресурсов закономерно сопровождалось стремлением взять под контроль социальные процессы, в первую очередь связанные с вопросами власти и управления.

Современный ученый М. Б. Свердлов (1983, с. 56), доказывая, что главной политической субъектностью в Киевской Руси обладал правящий класс, пишет про определенное политическое «оскопление» веча. Уже в X–XI вв. решения государственных политических и судебных вопросов переходят от практики вечевых собраний в компетенцию княжеского управленческого аппарата. Простое свободное население уже не участвует в политическом управлении в силу деформирования института племенного народного собрания. Подобные собрания еще сохранялись в качестве формы общинного самоуправления, но только в локальных масштабах, применительно к городам или общинным сходкам сельской верви. Не располагающая пока еще соответствующей управленческой структурой, центральная власть возложила на общину-«вервь» основные задачи внутреннего управления. Согласно первому официальному юридическому кодексу «Русская Правда», община-«вервь» в случае убийства должна была самостоятельно найти преступника или выплатить виру. В компетенцию общины также входили переделы земли, судебные споры, вопросы, связанные с обложением податями и их распределением. Между тем этот же документ фиксировал растущую социальную дистанцию между группами, близкими княжеской власти, и громадным большинством сельских общинников, главным образом смердов (Исаев, 2011, с. 31).

Особого внимания заслуживает дискуссионная проблема утверждения княжеской власти в городах. Сторонники волостного подхода настаивают на том, что в древнерусских городах киевской эпохи коллективная воля жителей ставила под контроль власть князя, а в некоторых случаях (прежде всего в Новгороде) накладывала на нее довольно жесткие ограничения. Подобная позиция опирается на факт действительного разрастания социально-политического влияния городов в конце XI–XII вв., что сопровождалось активизацией городских веч. По мысли А. Ю. Дворниченко (2010, с. 930), это привело к феномену волостного дробления и нарушению политического единства.

Однако сторонники волостного подхода явно «хватывают через край», утверждая, что перевес городов над князьями в том числе подкреплялся военными аргументами в виде местного (или «земского») боярства, представители которого были выходцами не из дружины, а из родоплеменной знати. С нашей точки зрения, здесь имело место следующее развитие событий. Изначально киевская власть располагала более весомыми военными ресурсами, чем города, уже в конце XI в. общее число дружинников колебалось от 7,5 до 12 тысяч (Свердлов, 1983, с. 204). Города имели в распоряжении пешее ополчение (так называемых воев), выучка и опыт которых были выше, чем у горожан Европы, но все же заметно ниже, чем у княжеских дружинников, подлинных военных профессионалов. Полки «воев» часто составляли пешую часть княжеского войска (Тараторин, 1998). Но в X–XIII вв. основной ударной силой являлись именно конные дружинники, поскольку конница была наиболее адекватна в решении проблемы отражения мобильных набегов «из степи» – печенегов, а затем пришедших им на смену половцев (Жуков, 2018).

Более сильная киевская власть вполне могла навязать городам собственное управление, что и происходило. Связующим звеном между княжеской властью и городской средой служила должность тысяцкого, в компетенции которого входили военная организация горожан, а также вопросы городского управления и торгового фиска. Эти задачи поручались близким князю дружинникам – боярам, реализующим княжескую политическую волю. Исходя из этого и оппонируя волостному подходу, А. А. Горский (2010, с. 72) отмечает, что лица «предлагаемые» в качестве общинных лидеров, на поверку оказываются княжескими людьми.

И все же вышеобозначенный процесс имел свою диалектику, и первоначально поставленные князем управленцы могли в будущем проникнуться интересами уже города. Согласно П. С. Стефановичу (2012, с. 487), боярство Киевской Руси редко ограничивалось только военными и административными задачами, но активно вовлекалось в экономическую деятельность, прежде всего коммерческую. Это способствовало росту его особых интересов, которые реализовывались при условии определенной автономии от княжеской власти, что подталкивало некоторых бояр к сближению с городскими «народными» лидерами. Больше всего это было присуще Новгороду, боярство которого еще в XI в. оставалось служивым, но уже в следующем столетии фактически стремилось к ограничению княжеской сферы влияния.

Ослаблению центральной княжеской власти способствовали и другие немаловажные обстоятельства. Во-первых, количественный рост княжеско-боярской знати. С конца XI в. по начало XIII в. число владетельных князей возросло примерно в семь раз: с 15 до более 100. Одновременно увеличивалось число дружинников в пропорциональном соотношении. По данным С. А. Нефедова (2010, с. 127, 129), рост элиты намного превосходил число сельского населения. Во-вторых, резко сократились внешние источники содержания увеличившейся знати и ее военных сил. После Первого крестового похода активизировалась торговля по Средиземному морю, что привело к снижению значения пути «из варяг в греки», а следовательно, к сокращению прибыли от коммерческих операций в разы. С одной стороны, это побуждало элиту переориентироваться на внутренние источники получения прибавочного продукта, а именно на эксплуатацию общинников. С другой стороны, происходило заметное ослабление Киева как административного центра, обратной стороной которого становился возросший сепаратизм княжеско-боярской знати. В расширяющихся городах образовывались своего рода местные княжеские центры, обраставшие связями с городской верхушкой.

Что касается городских веч, то мы склонны полагать, что они в конце XI–XII вв. представляли собой учреждения, соответствующие отношениям феодального общества, а не догосударственного родоплеменного

стройка. Адепты волостного подхода И. Я. Фроянов (1995, с. 459) и А. Ю. Дворниченко, всячески пытаются найти демократизм в Киевском периоде, доказывают, что в городских вече принимало участие все свободное население определенной территориальной единицы – волости. Однако подобное видение оспаривает современный историк П. В. Лукин (2008), который пришел к выводу, что вече было чисто городским явлением, без участия сельского населения. Советский историк Н. А. Рожков придерживался некой срединной позиции, допуская потенциальную возможность вечевого участия сельских жителей, чаще всего остававшуюся нереализованной. «Крестьянское население практически было мало заинтересовано в сохранении веча, потому что лишено было большей частью практической возможности посещать вечевые сходки» (Цит. по: Реформы в России..., 2016, с. 54). На наш взгляд, наиболее близок к истине дореволюционный историк А. Е. Пресняков, констатирующий во многом формальный характер верховной власти веча, в то время как реальные нити управления сходились именно в руках князя, а не вечевых институтов. «Известные нам проявления силы и значения веча носят всецело характер выступлений его в чрезвычайных ситуациях. ...проявления вечевой жизни не выработались нигде, кроме Новгорода и Пскова, в постоянную и систематически организованную правительственную деятельность» (Цит. по: Реформы в России..., 2016, с. 59-60). В некотором роде развивая тезисы А. Е. Преснякова, мы предложим следующие заключения:

1) Как показывают исторические факты, главной политической субъектностью в Киевской Руси обладали именно князья, а никак не земские институты, как утверждают сторонники волостной концепции. Именно князьями принимались основные политические решения – организовывались межкняжеские съезды, походы, заключались договоры. При этом князья оглядывались не столько на народные массы, сколько на элитные слои, служившие опорой их власти. Факт регулярного приглашения половецких отрядов для участия во внутренних междоусобицах указывает именно на первичность воли князя, а не народного веча. Если бы земщина держала княжескую власть под жестким контролем, вряд ли бы половцы начиная с конца XI в. превратились из внешнего фактора во внутренний.

2) Политическая составляющая народного сознания Киевского периода уже тогда склонялась к принятию жесткой властной вертикали, ориентируясь на фигуру князя, в котором прежде всего видели харизматического военного вождя. Например, при изгнании новгородского князя Всеволода Мстиславича в 1136 г. ему вменялись в вину в том числе колебания в проведении политики, бегство с поля боя. В случае вакуума власти или дискредитации верховной фигуры коллективное сознание искало авторитетного лидера именно в княжеской среде.

3) Изъявления народной воли часто носили охлократический характер, происходя в форме массового эмоционального порыва, направляемого на определенные цели. Это приводило к неоднозначным политическим результатам – известные нам случаи именно народных решений далеко не всегда имели конструктивные последствия. Если приглашение на киевский престол Владимира Мономаха (1113 г.) привело к вполне благоприятному результату, то нельзя сказать то же самое о восстании в Киеве 1068 г. Избранный киевлянами вместо Изяслава Ярославича Всеволод Полоцкий оказался еще более несостоятельным лидером, быстро бросившим доверившихся ему горожан и отбывшим к себе в Полоцк.

Таким образом, вряд ли следует принимать основной тезис волостной концепции о народовластном характере Киевского периода. Княжеская власть на большей части территории восточнославянских земель играла главную роль в политических процессах, что в целом принималось земским большинством. Другое дело, что сама эволюция институтов княжеской власти сопровождалась разрастанием княжеско-боярской элиты и появлением со временем в ее рядах противоречий. При этом речь идет не столько о центростремительных притязаниях Киева и противостоящих ему сторонниках сохранения удельной системы. Мы хотим обратить внимание на две модели организации власти, которые обозначились уже в Киевский период, но затем конкурировали на протяжении нескольких веков где-то до XVII столетия.

Проявление *моноцентричной модели* связывается в первую очередь с княжением Андрея Боголюбского (1157-1174 гг.). Этот князь Северо-Восточных земель сразу же бросил вызов устоявшимся отношениям между князем и элитой, на тот момент ассоциированной с княжеской старшей дружиной. Боголюбский стремился ставить себя над боярством, а не рядом с ним, всячески от него дистанцируясь (Рыбаков, 1982, с. 552). Его уже не устраивала личная преданность дружины, в отношениях с которой он был первым среди равных (термин «дружина» происходит от древнерусского «друже»), но требовал рабской покорности «милостников» и служивых людей (слово «служивый» связано с термином «слуга»). Согласно тезису В. Б. Кобринина и А. Л. Юрганова (1991), в Северо-Восточных русских землях у княжеской власти появляются монархические черты. Андрей Боголюбский рекрутировал административный аппарат из младшей дружины («детьцких»), которая находилась в жесткой служебной зависимости от князя. С конца XII в. ее представители получают название дворян, то есть «людей княжеского двора, личных слуг князя, а не его друзей и соратников» (с. 56-57).

Мы считаем, что эта тенденция не была порождена только личными амбициями Боголюбского, но имела более основательную социальную природу. В сильной княжеской власти могли видеть защиту от произвола и злоупотреблений со стороны выходцев из старшей дружины – бояр – не только простой народ, но и представители младшей дружины. Показательно, что после убийства Андрея Боголюбского исход междоусобной войны между старшей дружиной и братьями убитого князя – Михалко и Всеволодом – в пользу последних был предопределен их широкой поддержкой посадскими слоями, а также простым людом (История России..., 2006, с. 125-128). Закономерно, что именно со второй половины XII века отмечается распространение термина «княжий двор», вытеснившего в течение следующего столетия понятие «дружина» (Горский, 2010, с. 74).

Таким образом, уже в XII в. (задолго до монголо-татарского ига) в русских землях намечена тенденция, которая впоследствии станет господствующей и создаст основу именно деспотического, самодержавного правления. Речь идет о складывающихся отношениях подданства, предполагающих службу князю на бездоговорной основе. Данный процесс имел комплексный характер, предполагая не только социальное, политическое, но и идеологическое отражение. Известное произведение древнерусской литературы «Слово Даниила Заточника» представляет собой гимн не только княжеской власти, но и холопскому состоянию (Реформы в России..., 2016, с. 75). Вместе с тем нельзя отрицать, что монгольская политическая традиция стала прекрасной «питательной средой» именно для развития моноцентричной модели, поскольку русские князья сразу были включены в иерархию монгольской политической системы, предполагающей безусловную покорность. Итогом развития именно моноцентризма следует считать отечественное самодержавие.

Полицентричная модель представляет собой иной результат кризиса дружинных отношений, где княжеская власть фактически была минимизирована. Эта модель отражена в случае с Новгородской республикой, которую некоторые исследователи считают едва ли не эталоном традиционного отечественного народоправства, где вече обладало наибольшим политическим весом (Полосин, 1999, с. 270). Однако мы склонны принять точку зрения о том, что общий тип отношений между верхами и низами общества в Новгородской земле ничем не отличался от других древнерусских княжеств (История России..., 2006, с. 135). Согласно А. А. Горскому (2010, с. 53), в рамках новгородского варианта государственности примерно с XII в. реальная власть стала принадлежать местному боярству, определяющему выбор князей, деятельность которых была ограничена и контролируема.

Новгородское вече последовательно теряло свой народный характер, превращаясь в институт, подконтрольный местной боярской олигархии. Политическое развитие Новгорода повторяло типичную схему средневековых городов-государств – от демократии к олигархии, чему способствовала успешная торговая и хозяйственная деятельность (Кагарлицкий, 2010, с. 91). Во второй половине XV в. 2/5 всей земли принадлежали 43 «большим боярам», а владения Марфы Борецкой и Настасьи Григорьевой во много раз превосходили крупнейшие вотчины московских бояр. Правда, в среде новгородского боярства, сделавшегося «классом крупных землевладельцев и капиталистов-банкиров» (Нефедов, 2010, с. 187), обострялись межклановые противоречия, для решения которых привлекался ресурс народных масс.

Эксперт по новгородской истории В. Л. Янин (2003) констатирует, что большинство народных восстаний в Новгороде заканчивались вроде бы победоносно. Однако борьба простых людей за собственные интересы практически постоянно сочеталась с борьбой феодальных группировок за власть. Обычно в ходе восстаний оттесненные от власти боярские группировки охотно возглавляли народные выступления, направляя их в русло уже собственных интересов. «Отсюда и конечная ничтожность тех результатов, к которым приводили усилия восставших, и постоянный успех оппозиционного боярства, победа которого обеспечивалась союзом с восставшим “черным людом”» (с. 16-17). Неуклонная динамика Новгорода в сторону олигархии закономерно усиливала внутренние противоречия, предопределив в итоге бесславный конец этого политического образования в его противостоянии с Москвой.

Как нам представляется, новгородский случай являет собой в некотором роде крайний вариант полицентризма, в рамках которого боярская олигархия фактически научилась обходиться без политической фигуры князя. В более умеренной форме эта модель воплотилась в Великом княжестве Литовском, а впоследствии – в Речи Посполитой, где монархическая власть существовала, при этом располагая весьма урезанными возможностями, будучи стиснутой правами крупных землевладельческих магнатов. Многие исследователи видят здесь третью модель, однако мы считаем ее вариацией того же полицентризма. Можно предположить, что его предпосылки обозначились в Киевской Руси начиная примерно с последней трети XI в., когда получила развитие удельная система. Однако затем с обособлением государственности на конкретных территориях стали формироваться уже собственные модели властных отношений, по большей части представляющие собой различного рода смешанные пропорции полицентризма и моноцентризма.

В то же время моноцентричная модель организации власти хоть и связывалась с Москвой, но утверждалась в централизованном российском государстве с трудом и далеко не сразу. Великокняжеской, а затем царской власти пришлось иметь дело с традиционалистской реакцией, которая всеми силами препятствовала утверждению моноцентричной модели (Нефедов, 2010, с. 219). Коллективным интересам боярской аристократии куда ближе была полицентричная модель власти, и для реализации на русских землях именно этого варианта, возможно, и были шансы, если принять во внимание ресурсы и масштабы влияния боярства. Так, именно позиция последнего предопределила исход феодальной войны второй четверти XV века, сведя на нет военные победы Юрия Звенигородского.

Однако, по всей видимости, внедрение полицентризма в российских условиях имело бы губительные последствия, что позволяют предположить несколько периодов боярского правления. Например, детские годы Ивана IV (конец 1530-х – 40-е гг.), когда решения Боярской думы стали равнозначны великокняжеским указам, характеризуются как «великое насилие». Его смысл заключается в том, что бояре захватили наместничества в наиболее крупных городах и густонаселенных областях, безо всяких ограничений требуя у населения «кормов». Злоупотребления и безнаказанность высшего боярства констатировали писатели XVI в. Иван Пересветов и Максим Грек. Последний сообщал о высшем боярстве, объятom «неистовством несытого сребролюбия» (Цит. по: Носов, 1957, с. 233-234).

Самодержавные устремления Ивана IV Грозного естественно не могли вызывать сочувствия высшего боярства, которому куда более импонировали порядки Речи Посполитой, где королевская власть ограничивалась

в интересах магнатов (Скрынников, 1983, с. 31). Распространению подобных настроений способствовал комплекс объективных обстоятельств. Это русско-литовское происхождение многих княжеских родов: Воротынских, Одоевских, Трубецких, ставших подданными Московского государства только после войн на рубеже XV-XVI вв. Их представители усвоили культуру высшей польско-литовской аристократии, которая видела в фигуре короля лишь выборного предводителя. В правление Ивана Грозного именно князья – выходцы из этих земель составляли костяк боярской оппозиции, часто уходя в Литву со своими дружинами (Нефедов, 2010, с. 238-239).

Вместе с тем различия политического порядка Москвы и Литвы пропагандистским образом использовали польско-литовские короли с целью раскола московской элиты. В ряде случаев пропаганда достигала успеха – к Литве тяготело не только новгородское боярство, на протяжении всего XVI в. имели место неоднократные бегства княжеско-боярской знати в Литву, а впоследствии – Речь Посполитую (С. Бельский, А. Курбский). После смерти Ивана IV королю Стефану Баторию предлагались совместные действия вместе с боярской оппозицией по завоеванию Московского царства (Нефедов, 2010, с. 283). Неким апофеозом пропольских настроений российской элиты следует считать Смутное время, когда значительная часть высшего боярства была готова принять чужеземное подданство. Во многом необходимость подавления подобных стремлений боярской аристократии вызвала опричную политику Ивана Грозного (что не отрицает ее негативных последствий (Володихин, 2010)), а также Бориса Годунова, курс которого Р. Г. Скрынников (1983, с. 46) считает в значительной степени продолжением опричнины. Верховные монархи в борьбе с родовой аристократией, державшейся за свои старые привилегии, делали ставку на дворянство, связанное с центральной властью отношениями служилой зависимости. Тренд укрепления властного центра, концентрирующего в своих руках основные управленческие функции, отражает типичную ситуацию средневековой внутренней политики. Другое дело, что в одних странах это приводило к сословно-представительскому типу монархии, в других – имелся большой уклон в абсолютизм.

Что же касается земской традиции, то она имела важное, но все же вспомогательное значение. Хотя при всем при этом не следует недооценивать значимость земского фактора, который в определенные моменты даже выходил на первый план (период Смуты). Утверждение именно моноцентричной модели власти в русских землях произошло также благодаря массовой поддержке именно этой, а не конкурирующей модели. Видимо, земщина выбрала единый, пусть и жесткий властный центр вместо куда более неустойчивой ситуации на основании принципа «каждый да держит отчину свою». Киевский период хоть и характеризуется А. Ю. Дворниченко (2010) как «очень симпатичный» (с. 173), тем не менее наполнен княжескими междоусобицами с участием наемных отрядов кочевников, что сопровождалось конфискованными урожаями, сожженными домами, уведёнными в рабство жителями. Естественно, выбор моноцентричной модели был обусловлен также и комплексом других обстоятельств.

Заключение

В целом наши рассуждения подводят к следующим выводам.

1) Особенностью отечественного политогенеза вряд ли следует считать господствующее влияние земского начала, как это представляют сторонники волостной концепции. Присущий Киевской Руси дружинный тип раннего государства уже сам по себе предполагал ведущие позиции силовой составляющей, воплощенной в княжеской власти. Благодаря основному воинскому потенциалу, носителем которого выступала дружина первых киевских князей, удалось добиться первоначальной, пусть и довольно «рыхлой», централизации восточнославянских земель. Именно на базе представителей дружины формировалась управленческая модель Киевского государства, делающая уклон в сторону вертикальных иерархических принципов. Со временем диалектика внутривластного развития привела к усилению центробежных тенденций, в результате чего наступил период политической раздробленности и обособления отдельных княжеств. Но в связи с этим расширился политический потенциал не столько народных масс, сколько элиты на местах. Политическая субъектность народных масс, воплощающих земское начало через институты горизонтальных связей (веча), играла главным образом вторичную роль, выходя на ведущие позиции обычно в периоды политических кризисов. Причем далеко не всегда народные инициативы приводили к благоприятному исходу, так как здесь принятие политических решений происходило не без влияния охлократического принципа.

2) При том что главные политические ресурсы были сконцентрированы у верхних слоев, в их среде уже в XII веке обозначились две модели организации политической власти, каждая из которых представляла собой своеобразный результат эволюции княжеской системы. *Полицентричная модель* предполагала ставку на сохранение дружинного принципа и обоюдной зависимости верховного властителя и элиты. Данная модель получила реализацию в польско-литовском государстве, а также ее более радикальный вариант воплотился в Новгородской республике. *Моноцентричная модель* опиралась на единый центр власти, базирующийся на отношениях подданства и служения, которые реализовывались уже не через посредство боярского, но дворянского элемента, ориентированного на единую жесткую властную вертикаль.

В силу ряда обстоятельств для русских земель более предпочтительной оказалась моноцентричная модель, выбор которой происходил в условиях жесткой конкуренции с веяниями полицентризма, чьим носителем выступали боярские представители родовой аристократии, выходцы из княжеской дружины. Решающим периодом стали XVI-XVII вв., когда Московское царство, обладая главной атрибутикой развитого государства, эволюционировало в сторону самодержавной системы власти. Выбор моноцентричного варианта

при всех его издержках все же обеспечил политическое выживание отечественного социума, что вряд ли могло случиться при торжестве полицентризма, который для российских условий представляется тупиковым.

Источники | References

1. Володихин Д. М. Иван IV Грозный. М.: Вече, 2010.
2. Горский А. А. Русское средневековье. М.: Астрель; Олимп, 2010.
3. Гринин Л. Е. О стадиях эволюции государства. Проблемы теории // История и современность. 2006. № 1.
4. Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М.: Весь мир, 2010.
5. Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб.: Наука, 2005.
6. Жуков К. А. Рождение единой Руси. Или как крестьяне сделали Россию великой [видео]. 2018. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yZ3TiJec89Q>
7. Исаев И. А. История государства и права России: учебник. Изд-е 4-е. М.: Проспект, 2011.
8. История России с древнейших времен до конца XVII века / под ред. Л. В. Милова. М.: Эксмо, 2006.
9. Кагарлицкий Б. Ю. От империй к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2010.
10. Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси: к постановке проблемы // История СССР. 1991. № 4.
11. Ловмянский Х. Русь и норманны. М.: Прогресс, 1985.
12. Лукин П. В. Вече: социальный состав // Горский А. А., Кучкин В. А., Лукин П. В., Стефанович П. С. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М.: Индрик, 2008.
13. Нефедов С. А. История России. Факторный анализ: в 2-х т. М.: Территория будущего, 2010. Т. 1. С древнейших времен до Великой смуты.
14. Носов Н. Е. Очерки по истории местного управления русского государства первой половины XVI века. М. - Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1957.
15. Полосин В. С. Миф. Религия. Государство. М.: Ладомир, 1999.
16. Реформы в России с древнейших времен до конца XX века: в 4-х т. / отв. ред. И. Н. Данилевский. М.: Политическая энциклопедия, 2016. Т. 1. IX-XVII вв.
17. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982.
18. Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. М.: Наука, 1983.
19. Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М.: Наука, 1983.
20. Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X-XI веках. М.: Индрик, 2012.
21. Тараторин В. В. История боевого фехтования. Развитие тактики ближнего боя от древности до начала XIX века. Мн., 1998.
22. Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М.: Златоуст, 1995.
23. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленинградского государственного университета, 1980.
24. Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинградского государственного университета, 1988.
25. Янин В. Л. Новгородские посадники. М.: Языки славянских культур, 2003.

Информация об авторах | Author information

RU

Тамбиянц Юлиан Григорьевич¹, д. филос. н., к. соц. н., доц.

Гринь Максим Валентинович², д. филос. н., к. юрид. н., доц.

Иваненко Игорь Николаевич³, к. юрид. н., доц.

^{1, 2, 3} Кубанский государственный аграрный университет, г. Краснодар

EN

Tambiyants Yulian Grigorievich¹, Dr

Grin Maxim Valentinovich², Dr

Ivanenko Igor Nikolaevich³, PhD

^{1, 2, 3} Kuban State Agrarian University, Krasnodar

¹ 09081969jylian@rambler.ru, ² grin.m@kubsau.ru, ³ ivanenko.igor@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.09.2021; опубликовано (published): 15.11.2021.

Ключевые слова (keywords): политогенез; земское начало; государственное начало; боярство; полицентричная и моноцентричная модели организации политической власти; political genesis; zemstvo principle; state principle; the boyars; polycentric and monocentric models of political power organization.